

Матвеевна Чебатуркина

Преодоление

Татьяна Чебатуркина

Преодоление

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Преодоление / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859102-0

Вот чего, оказывается, ждала ее душа в тишине спокойствия родного дома, в шумных помещениях университета? Желания захлестнуться в одном порыве совершенно с незнакомым чужим мужчиной, моментально возымевшим над ней необъяснимую власть, чтобы отдаться ему полностью и навсегда, требуя только взаимного понимания и откровенного восторга.

ISBN 978-5-44-859102-0

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. ОБЛОМ	6
Глава 2. ВЫЗОВ	9
Глава 3. ПАВЕЛ	12
Глава 4. ИНТЕРЕС	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Преодоление

Татьяна Чебатуркина

*Влюбляются в размах ресниц недлинных
И родинки на худеньких плечах,
В созвездие веснушек чьих-то дивных
И ямочки на бархатных щеках.
Влюбляются не в лица, не в фигуры —
Они всего лишь маски, миражи.
Влюбляются надолго лишь в натуры,
Влюбляются в мелодию души.*

Анна Шаркунова, певица

*Кем же быть, я не знаю,
Но, играя с судьбой,
Вновь и вновь повторяю:
— Буду только собой....*

Игорь Тальков, певец, композитор

*Самое большое наше заблуждение в том, что у нас еще много
времени.*

Неизвестный автор.

Редактор Ольга Викторовна Ананьева

Иллюстратор Наталья Викторовна Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2017

© Наталья Викторовна Ананьева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9102-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. ОБЛОМ

«Все наши проблемы со здоровьем от злости, зависти, жадности, раздражительности и печали», – Настя торопливо нажала на пульт телевизора, ощущая в своем состоянии в данный момент почти весь спектр, как говорят, или, короче, букет только что озвученных качеств. – Телевизор лучше не включать – тягомотина расписанных старательно на весь год надоевших, приевшихся программ, практически повторяющихся на каждом канале для изнывающих от избытка времени пенсионеров. И только мастерство великолепных ведущих спасают пока это открытие прошлого века от окончательного провала.

«Не нравится – не смотри! Пенсионерка в девятнадцать лет без явных признаков, тьфу-тьфу, пока нарушений здоровья!»

Причин для раздражительности было две. Первая: закончила писать роман, третий по счету после повестей, – и теперь предстоял очередной виток долгих, терпеливых ожиданий реакций из множества известных издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Бесцельная, пустая трата драгоценного времени так быстро улетающей юности! И твоя полная беспомощность пробить эту толщу забронированной, словно заколдованной от простых обывателей, западни для улетающих в своих заоблачных полетах птенцов университетских коридоров, мечтающих завоевать признание своими никому не нужными шедеврами.

Первую повесть написала еще в школе. Это творение о смазливой девчонке, которая влюбилась безответно в своего начальника, руководителя известной фирмы, можно было смело отнести к категории «рассказ», но название «повесть» раздвигало рамки твоих возможностей, щекотало вдруг проснувшееся самолюбие, а, вернее, самолюбование в зеркале будущей славы и успеха.

Облом был полный. Не удостоили даже короткой строчкой ответа.

Потом был долгий год лихорадочного, нездорового, бессонного кипения у компьютера, когда радовалась удачно найденным сравнениям, восхитительным словам и предложениям о чувствах молодой пары, сбежавшей из родного дома во Францию в далекие времена начала века покорять зовущую, неизвестную Америку. По ее понятиям, это был явный шедевр. Отправила свой труд в столичное литературное агенство на рецензирование за приличные деньги и получила вполне доброжелательный ответ. И опять полное равнодушное молчание пяти издательств.

Обзорное изучение книжного рынка давало хоть какую-то надежду прорваться в многотысячной толпе изливающих свои амбициозные планы, способности и таланты авторов на узенькую дорожку признания на волне создания фэнтези. Задумка была уникальной: героиня выбрасывает от безысходности и отчаяния в Интернет, как в помойное ведро, файлы всех напечатанных, но никому не нужных, не признанных повестей и рассказов. И с ней начинают происходить странные вещи. И образы, и события, описанные в ее рукописях, вдруг выстраиваются в цепочку действительных событий, но все происходит наоборот – некие отрицательные действия.

Это великолепие фантастического видения мира в обществе антигероев несколько напоминало своей оторванностью от реальности жизни. Но буквально просилось как вариант сценария на экраны кинотеатров для ждущей, вполне понятной для юного возраста избалованной молодежи, полноты ощущений дикости, ужаса искривленного общества.

Саму такое чтиво нисколько не прельщало. Скачала на флэшку и отнесла своему куратору, профессору, заранее готовясь услышать гневные проповеди.

И второй причиной раздражительности и растерянности было сегодняшнее свидание именно с этим профессором на привокзальной площади. Да, да, именно свидание. Он подъехал на своей машине, долго искал уголок, где можно припарковаться, потом, не торопясь,

оглядываясь по сторонам, направился к бесконечным ступеням центрального входа железнодорожного вокзала.

Летнее солнце так беспощадно выжигало вечно заполненную бегущим по своим делам, целеустремленным людом, с сотнями снующих днем и ночью автомобилей, что оказалось бы странным увидеть это огромное пространство вдруг внезапно, моментально замершим. Но в своем романе именно здесь она представила и так красочно описала это одновременное выключение всех электромагнитных полей живых существ, которые застыли на месте, пока работали запасные батареи головного мозга. А сейчас, задумавшись, чуть не упустила профессора из вида.

– Анастасия! – Виктор Николаевич помахал ей, стоящей на самом входе у двери под часами. – Спускайтесь, у меня всего час в распоряжении!

– Дорогая Анастасия! – он взял ее под руку. – Я прочитал ваше произведение и специально назначил эту встречу в центре города. Приятно ведь пообщаться с юной и прекрасной студенткой. У меня здесь неподалеку, в издательстве очень важная встреча, а пока мы прогуляемся с вами в одно очень примечательное место. Вы не возражаете?

Лекции профессора преклонных лет завораживали таким изобилием исторических фактов, преданий, цитируемых высказываний древних философов и прямыми вопросами в лоб, типа: «А что вы думаете по этому поводу?». И в любую минуту нужно было быть готовым или смирно отмолчаться, или вступить в полемику со своим, подчас неграмотным, далеким от истины мнением. Причем, на лекциях он, в отличие от некоторых коллег, не пользовался ноутбуком.

– Дорогая моя! Драматизм женского пути! Пожалуй, именно в этом заключается главная суть сюжета вашего романа. И невозможность прожить даже одного дня без любви. Верно? Но, чтобы поведать о любви во всех ее проявлениях, с высокой степенью искренности, без малейшего налета фальши, показать и глубину отношений, и родство душ, и близость тел, – для этого нужно все эти чувства ощутить, пережить, перестрадать. А у вас в силу столь юного возраста – пока только декламация. И читатель в омуте ваших сверхдержавных, заоблачных, космических приключений пока не чувствует биения вашего доброго и искреннего сердечка, стук которого не трогает никого, кроме вас. Вы обладаете, несомненно, творческим воображением, но у вас практически нет жизненного опыта. Смотрите, куда я вас привел! Это крупнейший книжный магазин в областном центре. И что мы с вами, к сожалению, наблюдаем? Отсутствие очередей, редкие стайки молодежи у стендов со специальной литературой – и огромные залежи, тонны напечатанных на бумаге человеческих мыслей, выводов, переживаний. И нужны столетия вместо скоротечной человеческой жизни, чтобы приобщиться к самому малому сегменту этой накопленной веками мудрости. Мой совет: устройтесь, хотя бы на месяц на летних каникулах, в один из таких магазинов и ежедневно ведите записи своих наблюдений за покупателями, то есть, потенциальными вашими будущими читателями, прописывая каждому его характер, жизненные испытания, семейное и общественное положение, исходя всего из нескольких фраз, которыми вы с ними обменяетесь. Торопитесь жить! И успех к вам обязательно наведается! Извините за прямоту! Вынужден откланяться! Всего вам доброго!

«Старый консерватор! Свидание в книжном магазине! Полный облом для мечтательницы и фантазерки! Думала, что сподобишься для беседы в изысканном кафе за чашкой кофе о проблемах мировой литературы с достопочтенным философом? Фиг вам, как выражаются без искусов мои подружки!».

В уютном дворе старой элитной пятиэтажки на центральном проспекте города так примирительно ласково беседовали на дорожках под разросшимися старыми деревьями голуби, неторопливо отгоняя нетерпеливых воробьев, что не смогла пройти мимо, уселась на удобную, нагретую солнцем скамейку, закрыла глаза:

«Нужно завербоваться на работу куда-нибудь на Камчатку, на рыбный комбинат, на разделку рыбы в путину, наслушаться не гражданского мата, пожить в общежитии без мамочкиного присмотра, а потом выдавать короткие, зримые рассказы с колоритными характерами моряков, рыбаков, искателей приключений, как у Джека Лондона. Или уехать в сельскую глубинку, устроиться поварихой у местных фермеров, встречать рассветы, увлечься каким-нибудь местным парнем, испытать ревность сельских девчонок и родить очередной шедевр о любви прекрасной доярки и столичного ловеласа, свихнувшегося в тишине от радостного кваканья влюбленных лягушек».

Решительно поднялась на второй этаж. Дома, к счастью, никого не было. Включила ноутбук, несколько минут скользила глазами и, наконец, выбросила на первый попавшийся сайт какого-то издательства, обещавшего напечатать бесплатно любое произведение, все файлы своих ничемных повестей и романа. Подписалась: «Виктория», хмыкнула ехидно, подумав: «А все-таки мечтаешь хоть о каком-нибудь шевелении интереса вокруг собственной персоны? Лицемерка!». Но дело было сделано. Пошла на кухню разогревать борщ: после состоявшейся прогулки захотелось опуститься на грешную землю от своих заоблачных мечтаний и одиночества. Злость и раздражительность испарились. Зависти и жадности не было в характере и в помине. От утреннего телевизионного прогноза на день осталась только печаль.

Глава 2. ВЫЗОВ

Через два дня вечером не удержалась и залезла на сайт этого малознакомого издательства с пометкой «Скачать бесплатно», где вдруг увидела отзыв на свое последнее бессмертное творение. Незнакомый парень приятной внешности короткой рецензией, словно плеснул в лицо неожиданно холодной водой из-под крана:

«Виктория! Не знаю, сколько Вам лет, но вы заморозили каждую строчку последнего романа своим явным равнодушием и просвечивающимся одиночеством души. Холод межпланетного пространства, убивая все живое, никогда не даст силы людям любить и быть любимыми. Только утренний солнечный свет земного великолепия поможет Вашим героям скинуть всю эту натянутость безмолвия и бесчувственности и обрести настоящее счастье в объятиях друг друга. Извините за откровенность! Павел».

Чуть не свалилась со стула:

«Наконец-то! За столько лет ожидания появился первый читатель, вернее, второй! Ведь у профессора, наверное, хватило терпения только проглядеть содержание, а этот незнакомый Павел из любопытства скачал роман и именно прочитал его!», – ей захотелось запрыгать на одной ножке вокруг стола, и, если бы это было возможно, расцеловать сурового судью за проблиск интереса и полный разгром. Потом решительно написала ответ:

«Спасибо за критику. Заходите на мою страницу в соцсетях. Имя Виктория – псевдоним. Мое имя Анастасия Волошина. Будем знакомы!».

Ответ пришел через день рано утром, когда родители уже отчалили по своим ответственным конторам: папочка – в областную администрацию, а мамочка – в центральный банк:

«У меня на странице много друзей, но, если честно, стараюсь избегать общения с представительницами прекрасного пола, даже одноклассницами. Очень трудно найти точки соприкосновений интересов. Мне претит всякое сюсюканье и замена искренности набором стандартных, подчас просто неграмотных высказываний или, еще хуже, обычных междометий и строчек сердечек и классов. Непонятно, для чего в школе столько лет учат русскому языку и литературной классике! Или причина в полном отсутствии интеллекта, или в безнравственной безответственности в неконтролируемом пространстве Интернета? В друзья не навязываюсь. Время покажет, сумеете ли вы выдержать нападки незнакомца, если будете настаивать на переписке».

«Вот нахал! А сам ты, что из себя представляешь? Какой-нибудь „ботаник“ или непризнанный гений, как и я, – вечная отличница, приличная дочь обеспеченных, незаурядных родителей, которые должны, по их убеждениям, просто обязаны вытрясти из меня все заложенные во мне природой способности и таланты. Господи! И это продолжается уже девятнадцать лет! Вот будет финиш, если я, действительно, устроюсь на работу продавцом, и не в чистенький, скучный, книжный магазин, а на городском рынке торговать луком и картошкой! Или сосисками в тесте! Провоняю дешевым пережаренным маслом! И неухоженные, с обломанными ногтями руки в довесок!»

Расхохоталась от души – идея была отличная: «И не нужно ехать на Камчатку, испытывать судьбу. И этого Павла шарахну признанием, посмотрю на его реакцию. Думает, наверное, что девочка хочет на досуге поразвлечься, а я ему на полном серьезе: „Извините, дорогой друг, но мне нужно думать о хлебе насущном и трудиться в поте лица, а романы я пишу по ночам, стремясь заработать хоть какие-нибудь деньги, чтобы выбраться из нищеты!“ Вот вам ход конем! Посмотрим, как у него изменится интонация! Может, предложит милостыню, чтобы успокоить свою растревоженную душу? Но сто процентов на спор: после такого моего признания вряд ли у него возникнет желание предложить мне встречу, если живет в нашем городе, и изливать нравоучения в Сетях. Рыночная торговка! Нет уж, извините!»

Надела поношенные джинсы, красную футболку, старые шлепки и в таком живописном виде отправилась на рынок. Проходя мимо роскошного ресторана, представила на минуту себя в роли официантки в коротенькой юбочке с тяжеленным подносом, но прошла торопливо мимо: «Нет, идея ни к черту! С официанткой вполне возможен легкий флирт. Отбой! Только рынок!»

Июньское солнце дробило свои лучи в волнах стремительной Волги, заполнив весь этот необъятный простор воды и неба ослепительным покрывалом исчезающего блеска, который притягивал издалека обещанием беззаботности и неги, когда вышла из-под тени высоток на открытый просмотр Аллеи Героев.

«Сессия позади, пляж открыт. Что ты вечно отыскиваешь проблемы там, где их нет! Зачем тебе этот рынок? Почему ты все время кому-то что-то пытаешься доказать? И этот Павел с его нотациями! И умница профессор! Плынешь по течению жизни без видимых подводных препятствий и плыви дальше!»

Рынок захлестнул своей неподражаемой мелодией шума множества людей – говором, криками, гудками машин – и завалами всевозможных продуктов, овощей и фруктов на прилавках. В уютной комнате под шум кондиционера заведующая отделом кадров, осмотрев Настю со всех сторон, потребовала паспорт и предложила поработать месяц в уютном кафе на террасе за рынком:

– Хозяйка ищет приличную девушку на период отпуска работницы. Соглашайся! Рано тебе в нашей грязи возиться! Своих хватает!

Дома вечером разразился скандал. Обняла молча мать за плечи, похлопала отца по плечу, призывая не тратить зря энергию на бесполезные слова, и отправилась в свою комнату. Родители еще долго не могли успокоиться, жалуясь друг другу на несправедливость, но потом включили очередной сериал и затихли. А Настя написала Павлу:

«Не знаю, где обитаешь, потому что ты здорово засекретился, забыв указать точку земного шара, где тебя можно отыскать. Возможно, нас разделяют тысячи километров, может быть, даже границы государств. А я не скрываю, что живу в большом и красивейшем городе на Волге, учусь и работаю одновременно. От одиночества не страдаю и никогда не навязываюсь парням в подружки. У каждого человека – своя неповторимая жизнь со всеми сложностями и проблемами современной суровой действительности. Пока никаких общих точек у нас, действительно, нет. И судьба сама рассудит, нужна ли нам эта переписка».

Пересмотрела последние фотографии, выбрала фотку: она в спортивном костюме на заснеженном склоне известной горы. Снимок был сделан в прошлом году на Домбае, куда всем семейством съездили, отдыхая в Кисловодске летом после удачного зачисления ее, Насти, в университет на филологический факультет. Дискуссии в семье продолжались почти полгода, мнения родителей разделились: папа требовал «лечь костями, но пробиться» на престижный и многообещающий, перспективный факультет иностранных языков, а мама настаивала на институте государственной службы.

Последнее слово осталось, как всегда, за ней. Поступила на бюджет, сэкономила родителям кругленькую сумму, практически вернув все расходы на репетиторов. Поэтому решили шикнуть, купив на две недели путевки на Кавказ.

Успешный финиш школьного забега на долгие одиннадцать лет в виде золотой медали, красота горных склонов Пятигорска, Эльбруса, буквально парение в беззаботном отдыхе – все это волновало, радовало. И только на самом доньшке сознания постепенно собиралось капельками недовольство собой, этим затянувшимся детством, когда ты по-прежнему барахтаешься в пеленках чрезмерной родительской любви. И понимаешь, что давно пора выпрыгнуть из шикарной коляски и умчаться на роликах, гоночном велосипеде в толпе своих сверстников туда, где тебя, возможно, уже дожидается тот, в объятиях которого ты познаешь все оттенки новых, неизведанных чувств, всю полноту настоящего счастья.

И пролетевший незаметно учебный год в университете при ближайшем рассмотрении на досуге старательно напомнил, что за этим годом прокатятся то неторопливо, то ускоряясь, и последующие годы. И размеренное чередование одних и тех же маршруток на городских улицах, лекций, семинаров, зачетов и экзаменов в обжитых аудиториях, ночные зависания в Интернете, походы с девчонками на взрывные фильмы в модные кинотеатры, безобидные вечеринки в студенческих общежитиях по-прежнему ничего не изменят в ее дальнейшей жизни.

Потом родители, испугавшись ее неприкаянности, возьмут ипотеку и купят ей двухкомнатную квартиру, будут настойчиво искать приличную пару среди своих благополучных знакомых, намекая, что с ее внешними данными вполне можно однажды расслабиться и позволить симпатичному молодому человеку остаться на ночь, попробовав, как вариант, гражданский брак. И все это только для того, чтобы в хомуте бесконечной работы, в фокусе всех свершившихся надежд и планов их прекрасной дочурке не остаться в гордом одиночестве.

Настя так зримо представила эту реальную картинку стремительно убегаящей молодости, что, сменив на главной странице в Сети свое изображение ненатурального, загримированного лица с неестественно накрашенными глазами и губами на фотку с горного склона, рассмеелась радостно, словно бросая вызов запрограммированной судьбе:

«А первый шаг уже сделан! Завтра в семь часов утра – на новую работу!».

Глава 3. ПАВЕЛ

За последний месяц дед откровенно сдал. И особенно удручало, что буквально на глазах таяло его желание действовать, двигаться. И призывы: – «Дед, посмотри, правильно я вот эти лозы подвязал?» – улетали безответно в глубину сада и гасли там, а дед сидел на застеленном старым шерстяным одеялом диване под навесом летней веранды неподвижно часами, слушая, наверное, только себя, заблудившись в мягкой дреме в своем далеком прошлом.

Сколько тяжестей перенесли и сколько работы переделали его натруженные руки за девятью прожитых лет – одному Богу было известно! И подошла, наверное, пора подводить итоги.

Павел где-то прочитал изречение: «Мудрость – это, когда ты все понимаешь, но уже не огорчаешься». В свои двадцать два года поводов огорчаться было предостаточно. Увлекаясь работой до глубокой ночи, а иногда до утра, приходилось в течение дня строго контролировать каждую минуту стремительно улетающего вслед за солнечными лучами растянувшегося летнего времени, разрываясь между домом и огородом, компьютером и приготовлением еды, уходом за дедом и элементарной приборкой.

Сколько он себя помнил, всегда рядом были только бабушка и дедушка. Отец Павла доверил им воспитание своего старшего сына, зная, что ему будет лучше в деревне, в ответственных и добрых руках своих родителей, пока они с женой осваивали далекие просторы Севера, трудясь на нефтяных промыслах, в погоне за приличными заработками. И родители отца не подвели. Израненный, бывший фронтовик Иван Николаевич и его жена Екатерина Осиповна жили ради внука, передавая ему всю мудрость поколений предков-крестьян, осевшую в памяти, в сознании, в соблюдении вечных божьих заповедей.

Павел стал художником. С детства изводил фломастеры и цветные карандаши, разрисовывая книжки и альбомы именно набросками того, что видел в жизни. Заметив необычное трудолюбие и упорство маленького мальчика, часами увлеченно малюющего акварельными красками обои сначала в детской, потом на кухне и в зале, в первом классе дед повез Павла в соседний район к известному художнику, который, посмотрев его работы, согласился заниматься с мальчиком два раза в неделю. Своей художественной школы в районе не было, но работы юного художника стали выставлять в родной школе. Неутомимый дед все восемь лет возил внука за сто километров, пока тот с отличием не окончил художественную школу в другом районе.

Счастливое детство и устоявшаяся незыблемость рухнули в четырнадцать лет, в один момент, когда буквально за несколько дней после инсульта сгорела бабушка. У нее был сахарный диабет, но ее жизнерадостный, звонкий смех, открытость, песни даже на секунду не допускали возможности ухода навсегда такой яркой и неутомимой, вечной, как казалось Павлу, бабушки. Родители предложили Павлу переехать к ним в Подмосковье, где в их семье подрастал его младший брат, но этот вариант даже не обсуждался. Дом Павла был здесь, в деревне. Он не собирался ни в какой город, считая предательством бросить осиротевшего деда одного. Родители уехали после похорон, а Павел со всей своей подростковой непримиримостью взялся за деда, опасаясь, что отчаяние и тоска по ушедшей жене окончатся пьянством:

– Дед, мы должны посчитать все наши расходы за месяц! Давай прикинем, сколько рублей мы сможем откладывать, ну, скопить?

– Здравствуйте, приплыли! Зачем тебе деньги потребовались? – дед в растерянности уронил ложку. – Мне, как бывшему фронтовику, спасибо государству, приличную пенсию выплачивают. Родители подкидывают на тебя, не скупятся. Тебе, что, в город от нашей тишины захотелось? Вот окончишь среднюю школу и поедешь на учебу к маме с папой. Они ведь тебя каждый раз зовут, когда приезжают.

– Да нет, я о другом! Давай, дед, ничего лишнего покупать не будем, наберем денег и начнем путешествовать! Вот скажи, где ты бывал за последние десять лет? Нигде, кроме санатория на Дону! Столько лет на пенсии, работу бросил, и все время дома! Неужели тебе не хочется посмотреть Москву, Санкт-Петербург, Черное море?

– Пашка, мне восемьдесят два года исполнилось! Какие путешествия? Мое время кончилось! Рыбалка да охота – вот мои путешествия! Скучно тебе с дедом стало, признайся, внучек? А на море охота посмотреть, ты прав!

По телевизору Павел однажды в новостях увидел, что ученые обнаружили в Италии селение в горах, где местные жители через одного спокойно преодолевали столетний рубеж, были работоспособными, редко болели. Дед был, наверное, из одной с ними компании. Среднего роста, худощавый, он редко пользовался машиной, предпочитал уходить на рыбалку за село или на озера пешком, когда Павел за ним не увязывался, отсыпаясь после ночного блуждания в компьютере, или, увлекшись, далеко за полночь очередным рисунком.

И дед не устоял. В каждом человеке живет подчас неосознанное стремление разорвать застоявшееся, сгустившееся вокруг отсутствие перемен, найти тропинку в лабиринте неизвестности и неожиданности, улететь за своей мечтой и насладиться очередной победой исполненного желания.

И сразу после окончания учебных занятий в начале июня, оставив огород на соседку, на поезде уехали на две недели в Крым, в Феодосию, чтобы полюбоваться картинами Айвазовского и увидеть те места, где творил Александр Грин. Они объехали весь Крым на автобусах и, несмотря на определенные трудности, вернулись домой, строя грандиозные планы на следующий год.

Потом была экскурсия в Санкт-Петербург, через год – санаторий в Железноводске на Кавказе, еще через год – дом отдыха под Москвой.

И, когда Павел окончил школу в восемнадцать лет, наверное, у деда закончился заданный им самим себе заряд на упорство и преодоление, чтобы соответствовать своему юному внуку. Постоянно стало прыгать давление, а, главное, – перестали слушаться ноги, видимо, исчерпав заложенные организмом возможности. И все домашние хлопоты теперь полностью легли на плечи Павла.

Вздыхнув, Павел выключил перегревшийся мотор, переложил шланг под малину, позвал деда обедать. Небольшие тучки, с утра занавесившие расторопное июньское солнце, хоть чуть-чуть сдерживали его лучи, но потом не выдержали зноя и разбежались, растворились в мареве, сразу загоняя в тень все живое.

Дед поковырялся ложкой в тарелке с борщом, съел картофельное пюре с сарделькой, выпил компот. Держась за спинку стула, дверной косяк, медленно перебрался из кухни в зал в свое любимое кресло, и через десять минут Павел услышал на фоне последних новостей очевидное похрапывание.

Павел выключил телевизор и отправился в свою комнату.

– Посмотрим, ответит ли ему эта Виктория-Настя, разрисованная кукла? Интересно на нее посмотреть, если заставить смыть все эти килограммы косметики простой холодной водой! Красавицы под одну гребенку! Неужели не понимают, что глаз не останавливается на однотонно покрашенном заборе?

Со страницы Анастасии Волошиной на него смотрела, слегка прищурившись, незнакомая девчонка в синем спортивном костюме, кроссовках, с распущенными по плечам каштановыми волосами, которые буквально сверкали в лучах горного солнца, позолотившего этот снежный склон.

Павел увеличил изображение. Настя слегка улыбалась насмешливо, как-то снисходительно, но большие голубые глаза оставались серьезными, будто она сделала кому-то одолже-

ние, застыв на секунду. Нос, овал лица – все обычное, но губы... Она только что-то сказала, и слова еще не успели улететь в обвал горы, а приоткрытые губы, словно ждали чего-то.

Павел, смутившись, отпустил изображение, секунду подождал и опять включил увеличение, невольно поймав себя на мысли, что рассматривает не только лицо, но и всю фигурку

«Не хватало еще мне влюбиться в эту заоблачную незнакомку! Больше тебе делать нечего! А вдруг это вообще не ее фотография? Перепечатала из какого-нибудь журнала и строится теперь под спортсменку, чтобы вызвать интерес», – решительно простучал текст, увидев, что Настя не находится сейчас на сайте:

«Интересный снимок, и девочка на нем неплохо выглядит, если это, действительно, ты! Но ее серьезный взгляд и вылетевший возглас почему-то убеждают меня, что ты не та, за кого себя выдаешь! Вокруг тебя какая-то тайна, которой ты не хочешь делиться с посторонними. У меня сильно развита интуиция, наверное, потому, что я – художник. Если хочешь, я нарисую картину с твоей фотографии и пришлю тебе. Вот и появится первая точка соприкосновений наших интересов!»

Глава 4. ИНТЕРЕС

Домой приползла после девяти часов вечера, наконец-то, поняв истинную суть известного словосочетания «пахать, как лошадь». Хозяйку кафе, молодящуюся красотку лет под сорок, с длинным хвостом покрашенных русых волос на затылке, тщательно отштукатуренным лицом, нарисованными черными бровями, с серыми уставшими глазами в облаке накладных ресниц, появление Насти ни сколько не удивило. Разглядывала две минуты, сфотографировала, что девчонка – новичок в их бизнесе, маменькина дочка, бросила снисходительно:

– У нас кафе-закусочная, посетители вечно спешат, так что крутиться будешь на одной ножке. Твое дело – моментально чистые столы после ухода клиентов! Чаевых тут нет, а вот, если соль, перец или горчица на столе закончатся, то сразу скандал. О зарплате поговорим после трех дней работы. Устроит меня твое старание – не пожалеешь, а нет – расстанемся без обид.

Готовили здесь вкусно, посетители – и работники рынка, и приезжие торгаши, и просто старожилы – с охотой выбирали из меню обычные блюда, с жадностью накидывались на огненные борщи, в которых отсвечивались кусочки мяса, ароматный плов, традиционное пюре с внушительной котлетой, творожные запеканки. И Насте приходилось уносить почти чистые тарелки без остатков понравившейся еды. В обеденный перерыв поток удвоился, и пришлось буквально порхать среди толпы стремящихся к кассе голодных людей и отчаивающихся, неспешно забирающих свои многочисленные сумки с широких подоконников.

Это купание в течение дня в водовороте гастрономических запахов отбило всякий аппетит. Ноги гудели, как будто только что сошла с двухкилометрового забега на школьном стадионе. Нырнула в душ, а потом, как пенсионерка, вытянулась на диване, подняв ноги на высокие подушки.

Родители оставили записку, чтобы их не ждала. Они планировали остаться в гостях на даче у друзей, чтобы отцу не рисковать автомобильными правами после роскошного застолья.

Это было кстати. Укоризненных и беспощадных слов она успела наслушаться еще рано утром, когда натягивала яркий модный сарафан и удобные босоножки на аккуратной платформе:

– А униформа тебе разве не полагается? И демократичная косынка в горошек? И резиновые перчатки, чтобы спасти дорогой маникюр? Смотри, чтобы тебя грузчики под каким-нибудь ларем не изнасиловали! Это проза жизни, дорогая наша доченька!

Вылетела на лестничную площадку, словно оплеванная: «Господи, столько страстей наговорили! А если бы и вправду собралась на Камчатку? Связали бы, наверное, и посадили под домашний арест неблагоразумную, взрослую дочь!»

Настя включила компьютер и растерялась. Этот прямолинейный выпад Павла, его явная заинтересованность перечеркивали ее неуклюжую попытку спрятаться от разгуливающих в виртуальном пространстве молодых людей, набивающихся в друзья к симпатичным девчонкам, чтобы потом трепаться с ними часами ни о чем, изображая прожженных жизнью неудачников или крутых мужиков, разочаровавшихся в любви.

Парень был явно в ее вкусе. Она представила такого баскетболиста под сто восемьдесят сантиметров. Если он художник, то возможны два варианта. Первый, наиболее привлекательный – впечатлительный мечтатель, предпочитающий одиночество, испытывающий глубокие разочарования от понимания того, что жизнь далека от совершенства. И любовь, наверное, занимает одно из почетных мест в его жизни. И у него случился любовный разрыв, если он запечатался на своем сайте, переживая неудачную любовную страсть.

Второй вариант был менее предпочтителен, так как холодный сноб, безжалостно обольщающий доверчивых дурачков, а потом бросающий их без сожаления: «Спаси и пронеси, Господи, мимо такой напасти!» – был бы отличным героем в романе, но не в жизни.

«Продолжай гнуть свою линию, как задумала, и попутно разберись, что ему на самом деле надо. Твой домашний адрес он никогда не узнает, если сама не выложишь». И она напечатала:

«Мне девятнадцать лет, после окончания средней школы в деревне на Украине приехала в город к тетке на заработки. Торгую на городском рынке овощами и картошкой. Ничего, уже привыкла таскать и мешки, и ящики. Устаю страшно. Но зимой на рынке тепло. Хочу стать известной писательницей и разбогатеть. Или удачно выйти замуж. Извини за нескромный вопрос: у тебя, как у художника, нормальный бизнес с картинами или ты, как и все, барахтаешься в кризисе? Если живешь в городе, то пока к себе не приглашаю – у меня очень строгая тетка. Не пропадай!».

Возбужденная этим откровенным обманом отправилась на кухню, сварила кофе, решив еще поиграть в эту ночную, ни к чему не обязывающую детскую игру под названием «Угадай-ка, где правда, а где ложь».

Ответ воодушевил. Да, этот Павел был из разряда тех, какие ей до сих пор еще ни разу не встречались. В его отклике вырисовывался образ очень доброго, трогательного и сентиментального человека, у которого всегда много друзей, с отзывчивым, мягким и загадочным сердцем, которому свойственны многообразные чувственные порывы:

«Настя! Твое имя подходит той девушке, которая стоит на склоне горы, освещенная солнцем. И зачем тебе потребовалась сказочка про бедную Оксану, приехавшую в Россию из-за границы на поиски богатого жениха? Да, вполне возможно, из-за временных семейных трудностей ты работаешь на рынке, но ты никуда, и, в данном случае, от меня не спрячешь отличное знание русского языка, свое особое видение людей, которые высветились в твоём трогательном романе о любви. Мне двадцать два года, и я рад знакомству с тобой. Только давай договоримся, что даже в туманных сумерках непредсказуемого интернета будем искренними в своих суждениях. Скоро должен вернуться из армии мой брат. Он собирается в ваш город-герой, чтобы познакомиться с достопримечательностями. Я обязательно напишу картину и назову ее „Настя“. Попрошу брата разыскать тебя на твоём рынке. И будем честными друг с другом».

Сразу не ответила, бездумно уставившись на монитор: «Вот если бы сейчас по скайпу посмотреть в его глаза, увидеть обстановку комнаты за спиной, чем завален его стол. Чтобы понять человека! Ведь вещи подчас правдивее людей. Ими можно занавеситься, загородиться от любопытных, одеться, как чучело, или наоборот выставиться на обозрение в импортных тряпках, утопая в собственной значимости. Но что-то неожиданно увиденное вдруг снимает маски с души, и вот он, человек, перед тобой! Что именно Павел рисует или кого? Какое училище окончил? И есть ли рядом с ним муза его будущих картин?»

Напечатала решительно:

«Ты мне стал интересен. Во-первых, своей проницательностью. Да, мне тоже надоело бесцеремонное вторжение в мою жизнь посторонних людей с их бесконечными настойчивыми заходами на страницу, требованиями общения и комментариев. Никто никому ничего не должен! Ты меня раскрыл. Да, на вершине Домбая, перед картиной угрюмости и великолепия гор, со страхом глядя в пропасть под ногами в кабинке подъемника, я представила себя бесстрашной птицей, которой подвластно все это величие земного разнообразия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.